

Ярослав Северцев

ЖАТВА ИМПЕРИИ.

ВСКОРМЛЕННЫЙ ЗВЕРЕМ.

— Книга 1 —

18+

Ярослав Северцев

**Жатва Империи: Вскормленный
Зверем Книга первая**

«Автор»

2026

Северцев Я.

Жатва Империи: Вскормленный Зверем Книга первая /
Я. Северцев — «Автор», 2026

Параллельная Российская Империя. Век титановых поршней, шагающих левиафанов великих Родов и бесконечных междоусобных войн за ресурсы. Земля изуродована падением древнего метеорита, и его смертоносная, мутирующая Зона отчуждения неумолимо разрастается, порождая чудовищ с зачатками интеллекта. Сильные мира сего жируют на костях простых солдат, швыряя тысячи рекрутов в жерло аномальной пустоши ради бесценных трофеев.

© Северцев Я., 2026

© Автор, 2026

Ярослав Северцев

Жатва Империи: Вскормленный Зверем Книга первая

Глава 1: Последняя охота

Перегретый пар свистел так, что закладывало уши. Этот тонкий, прерывистый писк моей маленькой заплечной коптилки вьелся мне в подкорку за последние два года. Отец всегда говорил: *«Лёшка, сынок, если коптилка замолчит — ты покойник. Значит, клапан забило угольной крошкой, и через минуту тебе спину разнесет к чертям»*.

Мне было **восемь зим**. Мои пальцы, обмотанные грязной промасленной мешковиной, окоченели так, что я почти не чувствовал рукоять тяжелого охотничьего ножа, висевшего на поясе. Вокруг нас стояла **Зона**.

Здесь всё было не так, как в приграничном посёлке. Туман тут не стелился по земле — он висел рваными, фиолетовыми хлопьями, которые пахли тухлыми яйцами и озоном, как после сильной грозы. Деревья корчились, их кора напоминала застывшую обгоревшую плоть, а ветви изгибались под противоестественными углами, словно пытались дотянуться до нас.

— Тихо, малый. Сбавь ход, — глухо донеслось из-за железной маски.

Отец шел впереди. Его грузная фигура в тяжелом загонном полуэкзоскелете казалась неуклюжей, но двигался он на удивление бесшумно. За его спиной глухо рокотал поршневой ранец, выбрасывая в сырой воздух короткие струйки белого дыма. В руках он сжимал нашу главную гордость и кормилицу — **двуствольную паровую винтовку системы «Град»**. Настоящий армейский образец, выкупленный у интенданта Рода Черноярских за тридцать шкур болотных прыгунов.

Мы зашли слишком глубоко. Туда, куда обычные загонщики не суются даже группами по пять человек. Но дома, в сыром бараке, кашляла кровью мать, а младшей сестре требовались дорогие лекарства, которые вольнонаемным врачам поставляли только из центральных губерний Империи. Либо мы принесем сегодня ядро хотя бы второго ранга, либо к весне нас останется двое.

— Пап... — шепнул я, с трудом сглатывая сухую слюну. — Прибор давит.

Встроенный в мою грудную пластину манометр радиационного фона Зоны — ржавая круглая коробка со стрелкой — мелко дрожал. Стрелка упрямо ползла в красную зону. Волновые выбросы метеорита здесь, в глубине, буквально плавил воздух.

— Вижу, Лёш. Терпи. Сейчас снимем след и назад.

Отец остановился возле огромного вывороченного пня. На гнилой древесине, покрытой светящимся фосфорическим мхом, виднелась отметина. Три глубоких, ровных пореза. Каждая борозда — шириной с мою ладонь. Древесина вокруг шрамов обуглилась, будто её резали раскаленным добела железом.

Отец медленно опустился на одно колено. Механические суставы на его ногах натужно взвыли, стравливая излишки давления через клапаны у щиколоток. Он коснулся нагара пальцем, понюхал его. Даже сквозь маску я увидел, как округлились его глаза.

— Уходим, — его голос резко изменился. В нем больше не было привычной суровой уверенности. Только сухой, хлесткий страх. — Живо. Назад по своим следам. Это не прыгун. Это...

Земля под нашими ногами глухо вздрогнула.

Писк моей коптилки моментально потонул в другом звуке. Это был не рык и не вой. Это был низкий, вибрирующий гул, от которого у меня зашатались зубы, а из носа мгновенно

побежала теплая струйка крови. Так гудят перегретые котлы огромных паровозов перед тем, как разнести вокзал на куски.

Фиолетовый туман впереди разорвался.

Я не успел разглядеть детали. Мой детский мозг просто отказался воспринимать это чудовище как живое существо. Оно было огромным — с хорошего ломового коня, но пропорции тела казались ломаными, неестественными. Четыре мощные лапы заканчивались стальными на вид когтями, а шкура... Шкуры не было. Всё его тело покрывали костяные пластины, между которыми пульсировали и светились ядовито-зеленые жилы. Из вытянутой, почти крокодильей пасти вырывался густой пар, смешанный с искрами.

Но страшнее всего были его глаза. Большие, янтарные, с вертикальным зрачком. В них не было тупой ярости дикого зверя. В них читался **холодный, расчетливый интеллект**.

— Беги, Лёшка! — Заорал отец, срывая голос.

Он вскинул «Град». Грохнул выстрел. Тяжелая свинцовая пуля, разогнанная давлением в сто атмосфер, ударила мутанту прямо в грудь. Раздался сухой треск — костяная броня выдержала, лишь брызнули осколки. Тварь даже не покачнулась. Она сделала молниеносный выпад.

Я оцепенел. Страх сковал мои ноги, превратив их в свинец. Я мог только смотреть.

Тварь пробила экзоскелет отца с легкостью, с какой кухонный нож прорезает промасленную бумагу. Когти вошли ему в живот, скрежеща по стальным усилителям доспеха. Отец хрипнул, изо рта у него толчком хлынула темная кровь. Но он не упал. Он был ветераном пограничных стычек и знал, что бежать уже поздно.

— Тварь... — прохрипел он, бросая бесполезную винтовку.

Его левая рука рванулась к правому плечу, где находился рычаг аварийного сброса давления боевого ранца. Отец заблокировал предохранительные клапаны. Рокот за его спиной превратился в ультразвуковой свист. Ранец раздувался, металл раскалялся на глазах.

Отец обнял чудовище обеими руками, намертво вцепившись в костяные наросты на его шее. Мутант, поняв, что происходит что-то не то, попытался отпрыгнуть, но было поздно.

— Лёшка, живи!.. — это было последнее, что я услышал.

Взрыв боевого ранца разорвал серый полумрак Зоны. Вспышка ослепила меня, а ударная волна швырнула навзничь, вбивая в гнилую грязь и ломая пару ребер. Воздух превратился в раскаленный огонь.

Когда я открыл глаза, в ушах стоял сплошной, невыносимый звон. Я попытался вдохнуть, но из груди вырывался лишь хрип. В пяти шагах от меня лежало то, что осталось от отца — обгоревший, искореженный остов экзоскелета. А над ним, тяжело дыша, поднималось чудовище.

Взрыв оторвал твари одну лапу и полностью разворотил грудную клетку. Из огромной рваной раны монстра, пульсируя, толчками изливалась **густая, светящаяся янтарно-зеленым светом жидкость**. Его радиоактивная, токсичная кровь.

Мутант шатнулся и упал прямо на меня.

Горячая, вязкая масса накрыла меня с головой. Она попала в рот, в нос, залила глаза. Крик ужаса потонул в этой жиже. Это не было похоже на обычную кровь. Она жгла. Кожа на моем лице, шее, груди моментально вспыхнула такой дикой, первобытной болью, словно меня заживо варили в котле с кипящей серной кислотой. Волна яда мгновенно проникла сквозь поры, устремляясь к сердцу.

Я бился в судорогах под тушей умирающего гиганта, захлебываясь его токсинами. Мои мышцы выкручивало, кости, казалось, тресали и переламывались изнутри.

Тварь умирала. Её огромный янтарный глаз оказался прямо перед моим лицом. Монстр тяжело, прерывисто вздохнул, обдав меня волной жара. В его угасающем взгляде мелькнуло странное выражение. Он принялся к мальчику, который был полностью пропитан, омыт и отравлен его собственной кровью. Для его чуткого обоняния я больше не был человеком. Я пах им. Я пах Зоной.

Мутант слабо дернулся в последний раз, навалившись на меня всем своим огромным весом, и затих.

Вокруг оглушительно свистел стравливаемый из остатков отцовского ранца пар. Фиолетовый туман медленно скрывал место бойни. А я лежал в луже светящейся радиационной грязи, придавленный мертвым монстром, и чувствовал, как чужая, зловещая сила переписывает каждую клетку моего маленького тела.

Я остался совершенно один. И я умирал.

Глава 2: Запах смерти

Время потеряло форму. Оно больше не делилось на минуты или часы — только на приходы дикой, выжигающей кости лихорадки и короткие промежутки серого, холодного беспмятства.

Сколько я пролежал под тушей мутанта? День? Три? Не знаю. Я очнулся от того, что мне нечем было дышать. Вонь разлагающегося мяса забивала горло. Кожа на лице и груди, куда пришелся основной фонтан светящейся крови, покрылась твердой, трескающейся коркой. Каждый вдох отзывался такой болью, словно легкие изнутри напшиговали битым стеклом.

Кое-как, упираясь ослабевшими руками в склизкий бок мертвой твари, я вылез наружу. Моя одежда сгорела и превратилась в труху от едких токсинов. Маленькая заплочная копилка, которая должна была защищать меня, была расплюснута взрывом. По всем законам этого жестокого мира я должен был сдохнуть еще там, в луже радиоактивной жижи. Мое сердце должно было остановиться, а плоть — раствориться. Но я был жив.

Я выполз на поляну и упал лицом в фиолетовый мох. Он был холодным и влажным. Я лизал его, пытаюсь унять страшную, иссушающую жажду. В голове набатом стучала кровь, а перед глазами плыли янтарные круги.

— Па... па... — хрипел я, но ответом мне был лишь далекий, тоскливый гул Зоны.

Отца больше не было. Отцовский экзоскелет превратился в грудку горелого железа. Страх — чистый, животный страх одиночества перед лицом этой мертвой земли — заставил меня подняться на ноги. Я не соображал, куда иду. Я просто брел вперед, спотыкаясь о скрюченные корни деревьев, обмотанный какими-то остатками грязного брезента, который сумел сорвать с отцовского вещмешка.

Зона вокруг меня изменилась. Раньше, когда мы ходили с отцом, она казалась затаившимся хищником, готовым прыгнуть из-за каждого куста. Теперь она... присматривалась.

На второй или третий день — солнце здесь почти не пробивалось сквозь плотный слой угольно-серого смога и фиолетового тумана — я наткнулся на выводок болотных прыгунов. Это были мелкие, размером с собаку, мутанты с голой синюшной кожей и длинными лапами. Обычно они нападали стаей, забивая загонщиков числом.

Я замер у поваленного дерева, не в силах даже поднять нож. Смерть стояла в пяти шагах. Вожак прыгунов, оскалив пасть с тремя рядами мелких игловидных зубов, сделал шаг в мою сторону. Он шумно втянул ноздрями воздух.

Я приготовился к боли. Закрыв глаза.

Но ничего не произошло. Вместо прыжка я услышал странный, испуганный клекот. Открыв глаза, я увидел, как вожак попятился. Его уши прижались к лысой голове, а из пасти потекла пена. Он смотрел на меня с ужасом. Ему казалось, что перед ним стоит не беззащитный восьмилетний мальчишка, а тот самый кошмарный хозяин этих мест — разумный мутант высшего ранга. Впитанная моей кожей кровь давала такой мощный, тяжелый запах хищника, что стая прыгунов с визгом бросилась врассыпную, скрываясь в камышах.

Я остался стоять, тупо глядя на свои руки. На ладонях, под слоем въевшейся грязи, проступали странные, едва заметные зеленоватые прожилки. Они слабо пульсировали в такт моему бешено бьющемуся сердцу. Я не понимал, что происходит. Я просто радовался, что меня не сожрали.

Дни слились в бесконечный кошмар. Я питался какими-то безвкусными серыми грибами, которые растут только на радиационных мертвецах, и пил дождевую воду из глубоких следов неведомых тварей. Лихорадка то отпускала, то накатывала с новой силой. Во время приходов мне казалось, что я слышу голоса. Словно сам метеорит, погребенный где-то в сердце Зоны, шептал мне что-то на непонятном, рокошущем языке.

Я дичал. Мои ногти обломались и превратились в грязные огрызки, кожа огрубела, а зрение... В сумерках, когда обычный человек слепнет, я начинал видеть четче. Контуры деревьев, движение мелких ящериц в траве — всё становилось ясным, хоть и окрашивалось в грязновато-желтые тона.

На исходе третьей недели силы окончательно покинули меня. Я упал возле старой, заброшенной паровой дрезины, которая выросла в землю у самой границы отчуждения. Металл машины проржавел, котёл лопнул, а скелет машиниста внутри кабины давно покрылся мхом. Я заполз под ржавое днище, свернулся калачиком и закрыл глаза, понимая, что в этот раз уже точно не проснусь. Грудная клетка горела, сломанные ребра ныли при каждом выдохе. Я просто хотел, чтобы всё закончилось.

— Эй, Прохор, глянь-ка туда! Под рамой вроде шевелится кто-то... — донесся до меня сквозь пелену забытья чужой, грубый голос.

— Брось, Савелий. Мало ли в Зоне падали? Ща как выскочит какая-нибудь гниль, патроны только тратить.

— Да не, стой. Одежа на нем... Точнее, тряпки. Человеческий это детеныш. Во дела...

Скрип тяжелых сапог. Лязг металла. Над моим лицом наклонился человек. На нем был надет глухой кожаный шлем с мутными стеклянными окулярами, а за плечами тяжело дышал закопченный фильтрационный ранец. В руках он держал короткое паровое ружье.

— Матьер Божья... Прохор, иди сюда! Он живой. Одичал совсем, весь в стружьях каких-то зеленых, воняет как из логова вожака, а дышит!

— Быть не может. В такой глуши? Один? Хватай его, Савелий, пока патруль Рода не набежал. Черноярские за такую находку в лабораториях целковых не пожалеют.

Чьи-то грубые, мозолистые руки в кожаных перчатках бесцеремонно вытащили меня из-под дрезины. Я попытался зарычать, дернуться, даже царапнуть спасителя, но сил хватило только на жалкий писк. Меня завернули в тяжелый, пахнущий машинным маслом плащ и куда-то понесли.

Грохот поршней, свист стравливаемого пара и тепло человеческого жилья — это было последнее, что зафиксировал мой угасающий разум перед тем, как я провалился в глубокую, беспросветную тьму. Спасение пришло. Но я еще не знал, что настоящие испытания только начинаются.

Глава 3: Убежище калеки

Запах. Первое, что вернуло меня в мир живых — это невыносимый, удушливый запах. Но это была не гниль Зоны и не фиолетовый туман. Пахло дешевым каменным углем, кислыми щами, машинным маслом и въедливой, застарелой гарью. Стук поршней, тяжелый и ритмичный, доносился откуда-то снизу, заставляя вибрировать доски пола, на которых я лежал. Пол вечно дрожал, будто под нами ворочался огромный механический зверь.

Я открыл глаза. Потолок был низким, закопченным до черноты. Сквозь мутное, покрытое слоем маслянистой сажи оконце пробивался серый, грязный свет городского утра.

— Очухался, приёмыш? — раздался хриплый, прокуренный голос справа.

Я резко дернулся, попытался вскочить, но спину и грудь моментально прошила такая острая боль, что я со стоном свалился обратно на жесткий тюфяк, набитый соломой.

У стола, на котором стояла тускло горящая керосиновая лампа, сидел человек. Огромный, широкоплечий, с изрытым оспой и шрамами лицом. Левая половина его физиономии была сплошным багровым ожогом — след от прорыва парового котла высокого давления, такие

метки носил каждый второй кочегар в Империи. Но самое главное — вместо правой ноги у него пониже колена топорщился грубый, скрипучий протез из потемневшей латуни с поршневым перепускным клапаном у лодыжки. При каждом движении старика протез издавал короткое: «Пссс-клак».

— Не дергайся, малый. Рёбра у тебя еще не сошлись, хоть и затягиваются как на собаке. Охотнички, что тебя приволокли, хотели сдать тебя лекарям графа Черноморского. Думали, за такое чудо пару золотых выручат. Да только я их вовремя перехватил. Сказал, что ты мой племянник, отцовский недосмотр, и выкупил за три бутылки сивухи да старый поршневой распределитель.

Человек поднялся. Пссс-клак. Пссс-клак. Он подошел ближе, держа в руке тяжелую глиняную кружку. На нем были надеты рваные штаны и промасленная майка, открывающая руки, покрытые старыми татуировками штрафных батальонов.

— Пей, — он протянул кружку. Вода пахла ржавчиной, но я вцепился в нее обеими руками и стал жадно глотать, проливая капли на грудь.

Только сейчас я заметил, что струпья на моем теле сошли. На их месте кожа стала странной — плотной, розовато-серой, а на груди и шее остался бледный, едва заметный узор из переплетенных вен. Зеленое свечение пропало, ушло глубоко под кожу, затаилось.

— Меня Тарасом звать, — старик присел на край моей лежанки, и клапан его ноги снова стравил воздух. — Отца твоего, Прохора, я знал. Хороший был загонщик. Мужик. Жаль, что Зона его сожрала. Но ты, малый, видать, в рубашке родился. Три недели в глубине... Без копилки, без фильтра. Как ты не сварился там и легкие в пепел не выкашлял — один Бог знает.

Я молчал. Страх постепенно отступал, уступая место тупой, давящей тоске. Отца больше нет. Мать и сестра... они остались там, в поселке, далеко за кордоном. Живы ли? Тарас, будто прочитав мои мысли, хмуро качнул головой.

— Про поселок твой не думай. Черноморские три дня назад объявили те земли «санитарным отчуждением». Зона расширяется, парень. Прыгуны и гниль поперли на заставы толпами. Бараки ваши сожгли, людей вглубь губернии угнали на каторжные заводы. Мать твоя... не доехала. Слабая была. А сеструху младшую в сиротский приют при мануфактурах определили. Туда тебе ходу нет — сгниешь заживо у ткацких станков.

Слезы сами покатались по моим щекам, размывая грязь. Горло сдавило так, что я не мог вымолвить ни слова. Я остался один. Абсолютно один в этом дымном, жестоком мире, где люди были лишь топливом для огромных паровых машин великих Родов.

— Не вой, — резко отрезал Тарас, и его ладонь, тяжелая и жесткая, как чугунная плита, опустилась мне на плечо. — Слезами котел не растопишь. Империи плевать на твои сопли. Род Черноморских строит свои шагающие крепости на костях таких, как мы. Род Валуевых сжигает целые деревни ради пары пудов аномального угля. Сила — вот единственный закон, который здесь уважают. Нет силы — ты мясо для топки. Понял меня?

Я шмыгнул носом и посмотрел ему прямо в глаза. Мой взгляд, всё еще дикий, янтарный в полумраке, заставил старого ветерана на секунду прищуриться.

— Во-о-от... — протянул Тарас, пристально разглядывая мои зрачки. — Глазищи-то у тебя как у волкодлака. Что-то с тобой Зона сделала, малый. Что-то недоброе. Но это мы еще проверим. Жить будешь у меня, в Нижнем Городе. Будешь помогать по мастерской, уголь таскать, гайки крутить. А подлечишься — посмотрим, из какого металла ты выкован. Как звать-то тебя, загонщик?

— Лёшка... — едва слышно выдавил я, содрожав пересохшими губами.

— Ну, здорово, Лёшка. Добро пожаловать на дно Империи.

Старик поднялся, его латунная нога привычно шелкнула, и он похромал к выходу, бросив на ходу:

— Допивай воду и спи. Завтра в пять утра подъем. У меня ленивых не водят. Кто не работает — тот не ест. А кто не ест — тот быстродохнет.

Я откинулся на солому, слушая, как за стеной, в грязных переулках Нижнего Города, ревут гудки мануфактур, призывая новую смену рабочих на убой. Моя новая жизнь началась.

Глава 4: Пот и поломанные кости

— Не спать, мясо! Меч — это не ложка, им щи не хлебают! Держать хват!

Тяжелый деревянный брус, оббитый тусклой латуной, с оглушительным скрежетом врезался в мой щит. Удар был такой силы, что левая рука моментально онемела от кисти до плеча, а суставы паровых поршней на моем тренировочном жилете натужно выплюнули струю горячего воздуха прямо мне в подбородок. Я отлетел назад, затылком впечатавшись в кирпичную стену нашей подвальной мастерской. В глазах на секунду поплыли ржавые круги.

Мне исполнилось **четырнадцать зим**.

За прошедшие годы я вытянулся, раздался в плечах, но оставался поджарым и жилистым, как бродячий пес. Жизнь на нижних ярусах приграничного города вытравила из меня последние остатки детской пухлости. Здесь, в вечном смоге, где солнце казалось просто тусклым оловянным диском над трубами мануфактур, люди выросли быстро. Либо так, либо тебя выносили вперед ногами в сточные канавы.

— Вставай, Лёшка. Вставай, говорю! Зона не будет ждать, пока ты сопли утрешь! — Дядька Тарас стоял посреди подвала, тяжело опираясь на свой латунный протез. *Пссс-клак. Пссс-клак.*

В его руках был зажат тяжелый тренировочный лом с приваренной гардой. Старик тяжело дышал, его обжённое лицо багровело от напряжения, а из-под засаленной майки проступали бугры старых солдатских мышц.

— Пап... то есть, дядька Тарас, — я сплюнул на земляной пол вязкую слюну, перемешанную с угольной пылью и кровью из разбитой губы. — Экзоэлемент заклинило. Клапан давления не держит.

— Мне плевать на твои клапаны! — рявкнул ветеран, с грохотом опустив лом на верстак, отчего шестеренки и гайки брызнули в разные стороны. — В настоящем бою Родов твою паровую сбрую перебьют осколком в первую минуту! Валуевские штурмовики или гвардия Черноярских не будут ждать, пока ты починишь поршни. Свои жилы должны держать удар, а не гребаные железки! Помни главное правило Империи: **Сила — это закон. Власть — это право. Слабый — это мясо**. Ты кто? Мясо?!

— Нет, — процедил я сквозь зубы, хватаясь за рукоять своего тяжелого деревянного тесака.

Боль в левом плече была дикой — похоже, при ударе я вывихнул сустав или заработал глубокую трещину в кости. Но пока я поднимался, держась за стену, произошло то, к чему я уже начал привыкать, но о чем до сих пор не смел говорить Тарасу.

Под кожей, прямо у основания шеи, толкнулась горячая, пульсирующая волна. Внутри меня словно проснулся маленький, невидимый котел. Жар стремительно понесся по венам к левой руке. Пальцы, только что висевшие плетью, мелко задрожали. Раздался едва слышный сухой хруст — сустав встал на место сам по себе. Боль, секунду назад вышибавшая слезы, вдруг притупилась, сменившись зудом и покалыванием. Шрамы на груди, оставшиеся от крови мутанта, на мгновение потемнели, впитав остатки воспаления.

Я снова мог сжимать щит. И это пугало меня до ушрачки. Обычный человек после такого удара месяц ходил бы с лубком. Мое тело жрало травмы, как топка паровоза жрет низкосортный уголь. Я не был супергероем — мне по-прежнему было чертовски больно, я орал от этой боли по ночам, когда кости срастались в ускоренном темпе, но я развивался и восстанавливался в разы быстрее любого сверстника.

— Опять? — Тарас прищурился, внимательно вглядываясь в то, как я уверенно перехватил щит здоровой на вид рукой. В его янтарных отблесках глаз, которые ловили свет керосинки, промелькнуло подозрение. Он подошел ближе, его протез привычно стравливал воздух. — Ну-ка, покажи руку.

Я заставил себя не отпрянуть. Старик грубо схватил мою кисть, повернул ладонью вверх. Зеленоватые прожилки, которые пульсировали под моей кожей в Зоне, теперь были незаметны, прячась глубоко под слоем мозолей и въевшегося мазута. Но Тарас слишком много видел на своем веку. Он помнил, в каком виде меня притащили из глубины аномальных земель.

— Растет быстрее, чем надо, да? — тихо, почти шепотом спросил он. Его голос потерял сержантскую злость, в нем осталась лишь глухая тревога. — Ты поаккуратнее с этим, парень. Если на призывном пункте Рода Черноярских лекари увидят такую прыть... Тебя не в дружину возьмут. Тебя живьем на операционный стол положат. Выкачают твою кровь до последней капли, чтобы сделать омолаживающую сыворотку для какого-нибудь старого графа, а кости пустят на амулеты против радиации.

Я слотнул. Страх перед лабораториями Родов в Нижнем Городе был сильнее страха перед мутантами.

— Я держусь, дядька Тарас. Никто не видит.

— Вот и держись, — старик с размаху влепил мне затрещину по затылку, возвращая привычный суровый тон. — А теперь бери ведро, шуруй к Науму в кузню. Заберешь перекованные кольца для экзоскелета. Да поживее, прыщ! Если через десять минут не вернешься, заставлю чистить котлы в прачечной у китайцев, а там вонища такая, что твои хваленые легкие наизнанку вывернутся!

Я схватил ржавое ведро и кинулся к выходу из подвала, радуясь возможности сменить обстановку. Наверху меня встретил привычный грохот поршней Нижнего Города, смог от угольных печей, который тут же забил ноздри, и мелкий, склизкий дождь, пахнувший кислотой. Я бежал по скользкой мостовой, чувствуя, как внутри меня, под ребрами, все еще ворочается тяжелый, чужой жар. Зона внутри меня росла вместе со мной, и я понятия не имел, к чему это приведет.

Глава 5: Философия стали

Кузня старого Наума располагалась на самом стыке Нижнего Города и Сточных Канав — там, где из огромных медных труб Родовых мануфактур круглосуточно хлестал кипящий шлак. Здесь всегда стоял такой гул, что неподготовленный человек за пять минут исходил бы кровавой рвотой от давления на перепонки. Но мне этот грохот даже нравился. В нем была своя, понятная логика поршней и стали.

Мне исполнилось **пятнадцать зим**.

— Наум! Дядька Тарас прислал за кольцами для сбруи! — заорал я прямо с порога, заходя в окутанное багровым дымом помещение.

У огромного механического молота, который приводился в движение толстой паровой магистралью, идущей прямо из городской стены, копошилась странная фигура. Наум был похож на сморщенный кусок угля, завернутый в брезентовый фартук. Вместо глаз у него были нашлапки обожженной шрамами кожи — результат давнего выброса на урано-угольной шахте Валуевых. Однако слепота не мешала ему работать. Старик ориентировался по звуку ударов металла и теплу, исходившему от заготовок.

— Ась? Кто пришел? Карась? Какой карась в такую рань? — прошамкал старик, не оборачиваясь и ловко перехватывая клещами раскаленную полосу железа. — А, Лёшка-вошка! Чего орёшь, как пожарная сирена? Слышу я, слышу. Принес ведро? Бросай в угол, пушай полежит.

Наум метнул полосу под падающий боёк молота. Раздался оглушительный удар: *БАНГ!* Снопы белых искр брызнули во все стороны, пара штук попала мне на шею, но я даже не поморщился. Кожа уже привыкла.

— Наум, кольца давай, старик опять с цепи сорвется, — я подошел ближе, разглядывая верстак.

Там, среди ржавых шестеренок и медных трубок, лежало *оно*. Тяжелый, непривычно длинный тесак из темного, матового металла. В отличие от обычного железа, этот клинок не блестел под светом горна — он словно впитывал его. По обуху шла широкая полоса с зубцами, а ближе к рукояти крепился небольшой цилиндрический патрубок для подключения к паровой системе доспеха.

— О-о-о, раззявил zenки-то? — Наум безжалостно хмыкнул, безошибочно протянув руку и хлопнув меня по затылку мозолистой ладонью. — Вижу... то есть, чувю, что вылупился на железяку. Это я для тебя сварганил. Из «дикого» колена. Охотники приволокли кусок обшивки шагающей крепости Валуевых, которую твари в Зоне раскатали три месяца назад. Металл там непростой. Он радиацией Зоны пропитан, структуру поменял — стал втрое легче и впятеро злее. Обычное зубило его не берет, только ковкой под перегретым паром.

Я бережно взял тесак в руки. Пальцы моментально ощутили странную, едва заметную вибрацию, шедшую от рукояти. Моя мутировавшая кровь внутри локтевых вен глухо отозвалась на этот металл — в костях появилось знакомое, тянущее покалывание. Клинок был идеален для меня. Тяжелый, способный перерубить кость мутанта или пробить сочленение экзоскелета.

— Это тебе не ложкой в щах возить, — Наум опустил на табурет, шумно втягивая носом воздух. — В нашем мире, Лёшка, железо — единственный бог. Посмотри, как Рода живут. Граф Черноярский сидит в своей Цитадели, у него под командой тридцать шагающих крепостей «Левиафан». Каждая такая дура — с пятиэтажный дом, на паровых ходулях, в броне толщиной с ладонь и с пушками, которые за версту выжигают деревни. А почему они цари? Потому что у них есть шахты. Они копают ядра мутантов и радиоактивный уголь. Им плевать на законы Божьи, у них закон — стальной поршень.

Старик повернул ко мне свои жуткие слепые глазницы.

— И Валуевы такие же. Междоусобная грызня идет каждый божий день. Стоит одному Роду ослабнуть, как соседи тут же присылают свои паровые танки и вырезают подчистую всех, до последнего младенца, ради новой пяди земли. Ты думаешь, почему твой отец в Зону полез? Да потому что Род Черноярских обложил наш Нижний Город таким налогом на дым, что жрать нечего было. Сила и власть, парень. Если у тебя нет зубов из хорошей стали, тебя сожрут. Не мутанты, так люди в золоченых мундирах.

Я сжал рукоять тесака сильнее, чувствуя, как злость и понимание этого мира заполняют грудь. Отец погиб не просто так. Он погиб из-за жадности тех, кто сидит наверху, за высокими стенами Цитадели, и дышит чистым воздухом, пока мы задыхаемся угольным смогом.

— Забирай свой тесак, Лёшка-картошка, — Наум поднялся и швырнул в мое ведро связку перекованных поршневых колец, за которыми я пришел. — И беги к Тарасу. Только клинок брезентом обмотай, не свети на улице. Дружинники Черноярских за такое железо без лишних слов в Сибирь на каторгу оформят. У простого люда не должно быть хорошего оружия. Им нужно послушное стадо.

— Спасибо, Наум, — искренне сказал я, пряча тесак под плащ.

— Иди уже, карась вареный! — махнул рукой слепой кузнец, снова поворачиваясь к горну. — Да Тарасу передай, чтоб бутылку сивухи за кольца занес, а то в следующий раз вместо поршней свиные копыта ему выкую!

Я выскочил из кузни в серый сырой день Нижнего Города. Тяжелый тесак приятно давил на бедро под брезентом. Я шел обратно по грязным переулкам, слушая, как где-то вдалеке,

за пеленой смога, утробно и грозно ревет гудок приближающейся к вокзалу шагающей платформы Рода Черноярских. Мир стали и пара требовал силы, и теперь у меня было первое настоящее оружие, чтобы эту силу забрать.

Глава 6: Первая кровь и цена ошибки

Кабак «Ржавый поршень» полностью оправдывал свое название. Сюда стекался весь сброд Нижнего Города: просоленные загонщики, кочегары с сожженными легкими и портовые грузчики. Потолок подвала подпирали толстые медные колонны, внутри которых шумел и вибрировал технологический пар, а в воздухе стояла такая плотная смесь сивушного перегара и дешевой махорки, что глаза резало без всякого аномального тумана.

Мне исполнилось **шестнадцать зим**.

Я сидел в самом темном углу за обшарпанным столом. Мой новый тесак от Наума, плотно замотанный в старый брезент, лежал на коленях под столом. Дядька Тарас ушел к стойке — выменивать у трактирщика мазут для своего протеза и ту самую бутылку сивухи, которую задолжал кузнецу. Его латунная нога привычно отстукивала ритм по гнилым доскам: *пссс-клак, пссс-клак*.

Вдруг входная дверь с грохотом распахнулась. В кабак, обдав присутствующих уличной сыростью и кислым запахом дождя, ввалилась тройца молодых парней. На них были новенькие суконные шинели с золочеными пуговицами и шевронами **младшей дружины Рода Черноярских**. Настоящие хозяйские псы. Высокомерные, сытые, с начищенными механическими кортиками на поясах. Они пришли сюда не пить — они пришли показать, кто здесь власть.

— Эй, калека! А ну с дороги, пока я тебе вторую ногу не свинтил! — рявкнул тот, что шел впереди — долговязый прыщ с порочным, злым лицом.

Он с ходу с размаху толкнул Тараса в спину. Старик, не ожидавший подлости, потерял равновесие. Его латунный протез с визгом проскользнул по мокрым доскам, и ветеран тяжело рухнул на колени, едва удерживаясь руками за край стойки. Солдафонский сброд дружинников дружно заржал.

Внутри меня будто сорвало предохранительный клапан. Вся обида за отца, за мать, за Тараса, за нашу нищету и их сытую спесь в секунду превратилась в раскаленный пар.

Я вскочил, намертво сжав кулаки, забыв обо всех предупреждениях.

— А ну извинись перед ним, мразь, — процедил я, шагая из темноты угла.

Дружинник прекратил ржать, повернул ко мне лицо и брезгливо прищурился:

— Это еще что за портовый недоносок тут тявкает? Парень, ты хоть знаешь, с кем говоришь? Мы — закон Черноярских в этом секторе.

Я не стал больше тратить слова. Я бросился вперед, намереваясь прописать ему хороший, рабочий хук в челюсть, какому меня учил Тарас. Но я совершил самую глупую ошибку новичка — пошел по прямой, ослепленный собственной яростью. У меня не было реального боевого опыта против обученных людей.

Дружинник оказался быстрее. Он легко качнулся в сторону, уходя от моего предсказуемого замаха, и с разворота вцепил мне встречный, страшный удар закованным в латунную перчатку кулаком прямо в челюсть.

ХРУСТЬ!

В голове словно разорвался паровой котел. В глазах моментально полыхнуло белое пламя. Острая, вспыхнувшая боль прошла череп, рот мгновенно наполнился солоноватым вкусом крови, а на пол кабака, звякнув, вылетел мой коренной зуб. Удар швырнул меня на грязный стол, который с треском переломился под моим весом.

Дружинники снова захохотали, а долговязый занес ногу в тяжелом армейском сапоге, собираясь вбить мою голову в половые доски.

И вот тогда человеческий страх отступил. Ему на смену пришло то, что затаилось во мне восемь лет назад в фиолетовом тумане Зоны. Янтарные искры перед глазами превратились в сплошное злое свечение. Мои зрачки сузились в вертикальные щели. Горячая, радио-активная кровь мутанта внутри моих вен вскипела, сокрушая человеческие барьеры. Боль от выбитого зуба растворилась в глухом, утробном рыке, который вырвался из моей груди.

Дружинник не успел опустить сапог.

Я взвился с пола с неестественной, нечеловеческой скоростью. Мои пальцы, на которых от колоссального напряжения сорвало ногти, намертво вцепились в его шинель. С силой, которой у шестнадцатилетнего пацана просто не могло быть, я рванул его на себя и впечатал головой в медную паровую колонну.

БУМ! Металл загудел. Дружинник обмяк, но я уже не контролировал себя. Зверь внутри требовал разорвать врага на куски. Я повалил его на пол, сел сверху и принялся методично, с бешеной яростью вбивать свои кулаки в его лицо, превращая его в кровавое месиво. Кожа на моих руках лопалась, обнажая костяшки, но янтарный туман перед глазами требовал смерти. Его товарищи в ужасе отпрянули, даже не пытаясь выхватить кортики — их сковал тот самый первобытный страх перед высшим хищником, который испытывали болотные прыгуны.

— Лёшка, стой!! Назад, дурная твоя башка! — Оглушительный крик Тараса пробился сквозь мой бред.

Старик подскочил ко мне и со всей силы обхватил меня сзади своими ручищами, буквально отрывая от полумертвого дружинника. Я тяжело, хрипло дышал, изо рта капала кровь вперемешку со слюной, а пальцы все еще судорожно скрючивались, словно когти.

— Уходим! Живо! — Тарас подхватил мой выпавший брезентовый сверток с тесаком и, хромя сильнее прежнего, поволок меня к черному ходу кабака, пока ошеломленные патрульные не пришли в себя.

Мы ворвались в сырую, темную подворотню под проливной дождь. Холодная вода остудила мою голову, янтарный свет в глазах медленно угас, уступая место дикой, накатывающей слабости. Челюсть раздувало, руки горели от ссадин.

Тарас с размаху припечатал меня к кирпичной стене, тяжело дыша прямо в лицо. Его шрамы от пара налились багровым цветом.

— Ты что творишь, щенок?! — тихо, но с ужасающей яростью прошипел он. — Ты понимаешь, что ты сейчас сделал?! Ты мало того, что выдал свою звериную прыть при свидетелях, так еще и служивых Рода Черноярских чуть насмерть не забил! Завтра же по всему сектору будут висеть ориентировки. Жаждой мести загорелся? Справедливости захотел?!

Старик больно ткнул меня пальцем в сломанную челюсть, отчего я взвыл.

— Запомни эту боль, Лёшка! Запомни свой выбитый зуб! Это цена твоей гордыни и нехватки ума. Ты не бессмертный. Тебе повезло, что они были пьяны и глупы. Если бы против тебя вышел настоящий, закованный в паровую броню штурмовик Рода — он бы из тебя фарш сделал за секунду!

Он отпустил меня и устало привалился к стене, сглатывая пар из протеза.

— Всё. Дома тебе больше оставаться нельзя. Обыщут подвалы — найдут тесак Наума, найдут тебя. Тебе шестнадцать, через пару лет — официальный призыв. Но ждать нельзя. Придется тебе бежать в Цитадель прямо сейчас и попробовать пройти досрочные тестовые испытания в рекрутские отряды. Начиная с самых низов, с Грязи. Там, среди тысяч рекрутов, Черноярские не станут искать кабацкого бунтаря. Станешь «псом войны» — получишь хоть какую-то защиту контракта.

Я вытер кровь с подбородка, чувствуя, как внутри, несмотря на боль, кости челюсти уже начинают медленно, со страшным зудом притираться друг к другу, закрывая рану от выбитого зуба.

— Я готов, дядька Тарас, — глухо сказал я. — Я пойду.

— Пойдешь, куда ты денешься, — хмуро бросил ветеран, разворачиваясь в сторону нашей мастерской. — Собирай шмотки. Завтра на рассвете ты покидаешь Нижний Город.

Глава 7: Прощание с пеплом

Пролетели еще две зимы. Два года я жил на положении призрака в самых глухих закоулках Нижнего Города, выходя наружу только по ночам. Я тренировался до кровавой рвоты. Моё тело росло, впитывая уроки дядьки Тараса, а челюсть, где когда-то не хватало зуба, давно затянулась прочной костной тканью — мутация окончательно сделала меня крепче, выносливее и злее. Но я научился прятать янтарный блеск глаз за козырьком рваной кепки и никогда, ни при каких обстоятельствах не демонстрировать силу.

Мне исполнилось **восемнадцать зим**.

Утро отъезда выдалось на редкость холодным. Угольный смог Нижнего Города смешался со склизкой изморозью, оседая на ржавых железных крышах тяжелыми черными каплями. В нашей подвальной мастерской было тихо — поршни маленького тренировочного жилета больше не рокотали. На верстаке лежал мой вещевой мешок, в который был бережно уложен обмотанный брезентом тесак Наума.

Дядька Тарас сидел в своем старом кресле. За последние месяцы он сильно сдал. Его латунный протез лежал рядом на полу — старик больше не мог носить его, культи воспалилась, а из груди ветерана при каждом вдохе вырывался жуткий, булькающий хрип. Его легкие, когда-то сожженные перегретым паром на службе Роду, окончательно превращались в пепел.

— Ну что, Лёшка... — старик тяжело закашлялся, прижимая к губам грязный платок. На ткани осталась темная густая кровь. — Пришел час. Пора тебе уходить из этой дыры.

Он протянул руку к карману засаленного приборного жилета и достал оттуда тяжелую, потемневшую от времени латунную цепочку. На ней висели два помятых армейских жетона с гербом Рода Черноярских — оскаленной волчьей мордой.

— Возьми, — прохрипел Тарас, вкладывая металл в мою ладонь. Пальцы ветерана были холодными и сухими, как коряги. — Это мои жетоны. Я получил их, когда мы штурмовали урановые вылазки Валуевых. Они не дадут тебе привилегий, но сержант Громов, который будет принимать рекрутов в Цитадели... Он мой старый однополчанин. Если выживешь на первом этапе отбора — покажи ему. Он не сделает тебе поблажек, но, по крайней мере, не даст списать тебя в утиль раньше времени.

Я сжал жетоны. Металл больно врезался в кожу, но эта боль была ничем по сравнению с той глухой, разрывающей грудь тоской, которую я чувствовал, глядя на умирающего старика.

— Дядька Тарас... Я останусь. Помогу с лекарствами, Наум подсобит... — мой голос дрогнул, в горле встал ком. Я снова почувствовал себя тем восьмилетним мальчишкой, который был над телом отца в фиолетовом тумане.

— Цыц! — резко, хоть и слабо, оборвал меня ветеран. Его единственный здоровый глаз сверкнул прежней сержантской яростью. — Не смей сопли распускать! Мой котел отработал свое, Лёшка. Давление на нуле, клапаны сорваны. Мне осталось от силы пара недель. Хочешь, чтобы я сдох, зная, что вырастил труса, который сгниет в этих трущобах под кабацкими лавками?

Он схватил меня за ворот куртки и притянул к себе. От него пахло мазутом, дешевым табаком и близкой смертью.

— Помни, чему я тебя учил. В Цитадели Черноярских ты будешь никто. Грязь под их сапогами. Дворянчики будут смотреть на тебя как на скот. Терпи. Сжимай зубы и жри эту грязь, пока не придет твое время. Не выделяйся, скрывай то, что сделала с тобой Зона, пока не наберешься настоящего боевого опыта. Твоя мутация — это твой тайный козырь, но без дисциплины и воинской выучки она просто сделает из тебя бешеное животное, которое пристре-

лят в первой же канаве. Живи ради отца. Живи ради меня. Стань той силой, которая заставит этих зажравшихся тварей наверху считаться с нами.

Старик отпустил мой ворот и обессиленно откинулся на спинку кресла.

— А теперь забирай мешок и проваливай. Терпеть не могу долгих проводов. Хромай к вокзалу, бронепоезд «Стальной Вепрь» отходит через час.

Я молча поднялся. Закинул мешок за спину. Посмотрел на Тараса в последний раз — он уже отвернулся к оконцу, глядя на серое марево Нижнего Города, и судорожно набивал свою старую трубку остатками махорки. Я знал, что больше никогда его не увижу.

Сухое, короткое рукопожатие на прощание — старик даже не повернул головы, но я видел, как дрожали его пальцы.

Через двадцать минут я уже стоял на перроне центрального вокзала. Вокруг царил привычный предрассветный хаос: ревели гудки, поршни огромного, закованного в толстую клепанную броню паровоза выбрасывали в небо клубы густого черного дыма. Солдаты Рода с паровыми карабинами наперевес сгоняли толпы оборванных рекрутов — таких же парней со всей провинции, решивших попытать удачу или сбежать от голода.

Один из конвоиров грубо толкнул меня в спину, загоняя в холодный железный вагон:

— Шевели поршнями, Грязь! Залезай, пока не пристрелили за задержку состава!

Я зашел в темный вагон, пахнувший сыростью и чужим страхом. Двери с грохотом захлопнулись, отсекая меня от Нижнего Города. «Стальной Вепрь» содрогнулся, тяжело сдвинулся с места, стравливая пар, и повез меня навстречу моей новой судьбе — в самое горнило рекрутского отбора Рода Черноярских. Первый шаг из низов был сделан.

Глава 8: Столица Черных Труб

Вагон «Стального Вепря» трясло так, словно мы ехали не по рельсам, а по черепам. Внутри воняло кислым потом, дешевой махоркой и тем особым, липким страхом, который вьедается в кожу перед бойней. Окон не было — только узкие щели бойниц под самым потолком, откуда на наши головы летела жирная угольная сажа. Две сотни парней, прижатые друг к другу как скот на убой, молчали, слушая натужный рев паровозных поршней.

Поезд резко дернулся, сбавляя ход. Металлические тормозные колодки взвыли с такой частотой, что заложило уши. Состав со скрежетом остановился. Тяжелые задвижные двери вагона с грохотом ушли в пазы, впуская внутрь ослепительный свет и оглушительный рев огромного мегаполиса.

— Выметайся, Грязь! На выход! Шевели поршнями, пока прикладами не помогли! — заорали конвоиры с перрона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.